

*Новый
филологический
вестник*

№ 2(45)
2018

Москва 2018

СОУЧРЕДИТЕЛИ

Тюменский государственный университет
Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский институт)
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева
С.С. Ипполитов

COFOUNDERS

Tyumen State University
South Ural State University (National Research University)
Russian Scientific Research Institute of Cultural and
Natural Heritage named after D.S. Likhachev
Sergej Ippolitov

Новый филологический вестник

№ 2 (45) ‘ 2018

Москва
2018

The New Philological Bulletin

№ 2 (45) ‘ 2018

Moscow
2018

Новый филологический вестник
№ 2 (45) ' 2018

Редакционная коллегия:

Тюпа Валерий Игоревич (главный редактор) – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и исторической поэтики Института филологии и истории РГГУ.

Федунина Ольга Владимировна (ответственный секретарь) – кандидат филологических наук, специалист по учебно-методической работе кафедры теоретической и исторической поэтики Института филологии и истории РГГУ.

Автухович Татьяна Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

Данилина Галина Ивановна – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры зарубежной литературы Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета.

Дарвин Михаил Николаевич – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры теоретической и исторической поэтики Института филологии и истории РГГУ.

Ершова Ирина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент; ведущий научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Зубарева Вера – Ph.D., преподаватель Пенсильванского университета (Филадельфия, Пенсильвания, США).

Кемпер Дирк – доктор филологии и культурологии, профессор, заведующий кафедрой германской филологии Института филологии и истории РГГУ.

Коно Вакана – кандидат филологических наук, Ph.D., доцент филологического факультета Университета Тиба (Япония).

Магомедова Дина Махмудовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской классической литературы Института филологии и истории РГГУ.

Маймескулов Анна – хабилитированный доктор наук, экстраординарный профессор Института неологии и прикладной лингвистики университета Казимира Великого в г. Быдгощ (Польша).

Манн Юрий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, академик РАЕН. Профессор-консультант кафедры истории русской классической литературы Института филологии и истории РГГУ.

Мионов Арсений Станиславович – кандидат филологических наук, и.о. ректора Московского государственного института культуры.

Пономарева Елена Владимировна – доктор филологических наук, профессор,

директор Института социально-гуманитарных наук, заведующий кафедрой русского языка и литературы Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета).

Рейнгольд Наталья Игоревна – доктор филологических наук, Ph.D. (Университет Эксетера, Великобритания), профессор, заведующий кафедрой теории и практики перевода Института филологии и истории РГГУ.

Семьян Татьяна Федоровна – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русского языка и литературы Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета).

Силантьев Игорь Витальевич – доктор филологических наук, профессор, директор Института филологии СО РАН, заведующий кафедрой семиотики и дискурсного анализа Новосибирского государственного университета.

Ужанков Александр Николаевич – кандидат культурологии, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной деятельности Московского государственного института культуры, руководитель Центра фундаментальных исследований русской средневековой культуры. Действительный член (академик) Академии Российской словесности. Член Научного совета по изучению и охране культурного и природного наследия РАН. Член Общества исследователей Древней Руси. Член Общественного совета и член Совета по науке при Министерстве культуры РФ.

Фаустов Андрей Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы филологического факультета Воронежского государственного университета.

Фрайзе Маттиас – Ph.D., профессор славянских литератур Института славистики Геттингенского университета (Германия).

Чжоу Цичао – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института иностранной литературы Академии общественных наук КНР, заведующий отделом теории литературы ИИЛ АОН КНР, директор Исследовательского центра по теории литературы АОН КНР (Пекин, КНР).

Шайтанов Игорь Олегович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой сравнительной истории литератур Института филологии и истории РГГУ.

Шкаренков Павел Петрович – доктор исторических наук, профессор, проректор по непрерывному образованию, директор Института филологии и истории, заведующий кафедрой истории древнего мира РГГУ.

Эртнер Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русской литературы, директор Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета.

Редакторы-переводчики: **Е.Ю. Сокрута** (кандидат филологических наук, научный сотрудник Научно-образовательного центра когнитивных программ и технологий РГГУ; докторант Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН)

Я.В. Усачева (старший преподаватель кафедры теории и практики перевода Института филологии и истории РГГУ)

The New Philological Bulletin
№ 2 (45) ' 2018

Editorial Board:

Tiupa Valerij I. (Editor-in-Chief) – Doctor of Philology, professor, head of the Department of Theoretical and Historical Poetics, Institute for Philology and History, Russian State University for the Humanities (RSUH).

Fedunina Olga V. (Senior Secretary) – Candidate of Philology, specialist in teaching methods at the Department of Theoretical and Historical Poetics, Institute for Philology and History, Russian State University for the Humanities (RSUH).

Autukhovich Tatyana Ye. – Doctor of Philology, professor, head of the Department of Russian and Foreign Literature, Yanka Kupala State University of Grodno (Grodno, Belarus).

Danilina Galina I. – Doctor of Philology, associate professor; professor at the Department of Foreign Literature, Institute of Philology and Journalism, Tyumen State University.

Darvin Mikhail N. – Doctor of Philology, professor; professor at the Department of Theoretical and Historical Poetics, Institute for Philology and History, Russian State University for the Humanities (RSUH).

Ershova Irina V. – Candidate of Philology, associate professor; Leading Researcher at the School of Advanced Studies in the Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ertner Elena N. – Doctor of Philology, professor; professor at the Department of Russian Literature, Director of the Institute of Philology and Journalism, Tyumen State University.

Faustov Andrew A. – Doctor of Philology, professor, head of the Department of Russian literature, Philological faculty, Voronezh State University.

Freise Matthias – Ph.D., professor of Slavic literatures at the Slavic Department, University of Göttingen (Germany).

Kemper Dirk – Doctor of Philology and Cultural Studies, professor, head of the Department of Germanic Philology, Institute for Philology and History, Russian State University for Humanities (RSUH).

Kono Wakana – Candidate of Philology, Ph.D. in Literature, associate professor at the Faculty of Letters, Chiba University (Japan).

Magomedova Dina M. – Doctor of Philology, professor, head of the Department of Russian Classical Literature History, Institute for Philology and History, Russian State University for Humanities (RSUH).

Majmieskulow Anna – Dr. hab., extraordinary professor at the Institute of Applied Linguistics and neophilology Kazimierz Wielki University, Bydgoszcz (Poland).

Mann Yury V. – Doctor of Philology, professor, Academician of the Academy of

Natural Sciences. Professor and consultant of the Russian Classical Literature History, Institute for Philology and History, Russian State University for Humanities (RSUH).

Mironov Arseny S. – Candidate of Philology, Acting Rector of Moscow State Institute of Culture.

Ponomareva Elena V. – Doctor of Philology, professor, director at the Institute of Social and Human Sciences, Head at the Department of Philology, South Ural State University (National Research University).

Reinhold Natalia I. – Ph.D. in English (Exeter University, UK), Doctor of Philology (Moscow, Russia), professor, head of the Department for Translation Studies, Institute for Philology and History, Russian State University for Humanities (RSUH).

Semyan Tatyana F. – Doctor of Philology, professor; professor at the Department of Philology, South Ural State University (National Research University).

Shaitanov Igor O. – Doctor of Philology, professor, head of the Comparative Studies of Literature Department, Institute for Philology and History, Russian State University for Humanities (RSUH).

Shkarenkov Pavel P. – Doctor of History, professor, Vice-Rector for Continuing Education, director of the Institute for Philology and History, head of the Department of Ancient History, Russian State University for Humanities (RSUH).

Silantiev Igor V. – Doctor of Philology, professor, director of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (SB RAS), head of the department of semiotics and discourse analysis, Novosibirsk State University.

Uzhankov Alexander N. – Candidate of Cultural Studies, Doctor of Philology, professor, Vice-Rector for Research Activities of Moscow State Institute of Culture, head of the Center for Fundamental Research of Russian Medieval Culture. Full member (academician) of the Academy of Russian Literature. Member of the Scientific Council for the Study and Protection of Cultural and Natural Heritage of the Russian Academy of Sciences. Member of the Society of Researchers of Ancient Rus. Member of the Public Council and a member of the Council for Science under the Ministry of Culture of the Russian Federation.

Zhou Qichao – Doctor of Philology, Senior Researcher, Institute for Foreign Literature, Chinese Academy of Social Sciences, head of the department of literary theory LIH CASS, director of the Centre for Research on the theory of literature CASS (Beijing, China).

Zubarev Vera – Ph.D., adjunct lecturer at the University of Pennsylvania (Philadelphia, PA, USA).

Editors-translators: **E.Yu. Sokruta** (Candidate of Philology, researcher at the Scientific and Educational Center for Cognitive Programs and Technologies, RSUH; doctoral candidate of Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences)

Ya.V. Usacheva (senior lecturer at the Department for Translation/Interpreting and Translation Studies, Institute for Philology and History, Russian State University for the Humanities)

Журнал основан в 2005 г. Выходит 4 раза в год

В 2015 г. «Новый филологический вестник» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (**Перечень ВАК РФ**); в 2016 – в базу **Web of Science (ESCI / RSCI)**, в 2017 г. – в базу **ERIH PLUS**

Подготовка издания: Институт филологии и истории РГГУ

Адрес редакции: Россия, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., 6,
Институт филологии и истории, РГГУ
Юридический адрес: 121433, Москва, Б. Филевская, 69-2-67

E-mail: philol.journal@gmail.com, philol-journal@yandex.ru
Сайт: <http://slovorggu.ru/>
Телефон: (495) 250–68–44

При перепечатке и цитировании ссылка на
«Новый филологический вестник» обязательна.

ISSN 2072-9316

Подписной индекс по Федеральному каталогу «Урал-Пресс»: ВН011056

© Редколлегия «Нового филологического вестника», 2018
© Издательство Ипполитова, 2018
© ООО «Смелый дизайн», 2018

The journal is established in 2005. Is issued 4 times a year

In 2015, **the New Philological Bulletin** was included in the List of peer-reviewed scientific publications, where the main results of dissertations for the scientific degrees of a candidate and a doctor of sciences (the list of the High Attestation Commission of the Russian Federation) should be published; in 2016 – to the **Web of Science (ESCI / RSCI)**, 2017 to the **ERIH PLUS** database

**Prepared by the Institute for Philology and History,
Russian State University for Humanities (RSUH)**

The address of the editors' office: Russia, 125993, GSP-3, Moscow,
Miussky square 6, Russian State University for the Humanities,
Institute of Philology and History
Legal address: 121433, Moscow, B. Filevskaya, 69-2-67

E-mail: philol.journal@gmail.com, philol-journal@yandex.ru
Web-site: <http://slovorggu.ru/>
Phone: 7 (495) 250-68-44

Any reprint and citation require the reference to The New Philological Bulletin.

ISSN 2072-9316

Federal Catalog 'Ural-Press' index number for print version subscription: ВН011056

© Editorial board of The New Philological Bulletin, 2018
© Ippolitov Publishers, 2018
© Smely dizayn, 2018

Содержание

Теория литературы

- А.В. Филатов (Москва)*
Аксиологический подход в трудах В.Е. Хализева: ценностные ориентации в литературе и науке о ней.....16

Нарратология

- Г.А. Жиличева (Новосибирск)*
Нарративные особенности travelogov И. Ильфа, Евг. Петрова (записные книжки, «Одноэтажная Америка»).....27
- Е.Ю. Сокрута (Москва)*
Нарративные характеристики новостного дискурса в эпоху новой медиальности.....39
- А.В. Швеиц (Москва)*
Музыка как нарративообразующий троп и ироническая установка в поэме Уоллеса Стивенса «Питер Пигва за клавирами».....47

Русская литература

- С.А. Кибальник (Санкт-Петербург)*
Федор Достоевский и Макс Штирнер. (К постановке проблемы).....58
- К.А. Барит (Санкт-Петербург)*
Пародии В.П. Буренина в творческой истории романа Ф.М. Достоевского «Бесы» и в статье Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах».....73
- А.Е. Бочкарев (Нижегород)*
О текстообразующем потенциале паремического оборота *тесто топором не разубишь* в рассказе Н.С. Лескова «Железная воля».....84
- А.М. Вичкитова (Санкт-Петербург)*
«...Духовно извергнуть из себя культуру и внешне от нее освободиться»: инвариант ухода в последних

рассказах Толстого.....94

- М.Ч. Ларионова (Ростов-на-Дону)*
Пьеса А.П. Чехова «Чайка»: литературные вопросы и фольклорные ответы.....108
- Д.М. Магомедова (Москва)*
Переписывание сюжета о «новых людях» в русской прозе конца XIX – начала XX вв. (В.В. Вересаев и З.Н. Гиппиус).....118
- О.А. Богданова (Москва)*
Мотив «утверждения земли» в русской литературе 1917–1920-х гг.: статья первая.....128
- В.Т. Захарова, М.Г. Уртминцева (Нижегород)*
Нижегородский период в жизни и творчестве М. Горького: пути становления художественного сознания.....138
- А.Л. Топорков (Москва)*
Стихотворение Вяч. Иванова «Три гроба»: источники и символическая структура. Статья вторая.....154
- Р.М. Ханинова (Элиста)*
Образ верблюда в калмыцкой теме В. Хлебникова.....167
- Я.Д. Чечнёв (Москва)*
К постановке проблемы «вечного возвращения» в творчестве Константина Вагинова.....177
- И.С. Юхнова (Нижегород)*
Пушкинский «Пророк» в ранней прозе В. Набокова и Г. Газданова.....191
- А.А. Арустамова (Пермь), А.В. Марков (Москва)*
Преодолевшая акмеизм: литературная тактика Лидии Хаиндровой периода эмиграции.....202
- М.М. Гельфонд, А.А. Мухина (Нижегород)*
Чехов и «чеховское» в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго».....214

Е.А. Сафрон (Петрозаводск)
Онейросфера как аспект поэтики повестей М. Фрая (на примере сборника «Чужак»).....226

Е.А. Смышляев (Челябинск)
Мифологизация пространства Челябинска в поэзии
В.О. Кальпиди.....236

Зарубежные литературы

С.В. Савельев, И.Г. Савельева (Коломна)
Англо-американская традиция изучения путевой прозы: к постановке проблемы.....247

В.Ю. Попова (Москва)
Многовековая «драма великого народа»: «Девственная Испания» Уолдо Фрэнка.....261

Университетское образование

З.Г. Станкович (Казань)
Особенности преподавания курса русской литературы XX в. как иностранной в рамках подготовительного факультета272

Contents

Theory of Literature

A.V. Filatov (Moscow)
The Axiological Approach in V.E. Khalizev's Works: Value Orientations in Literature and Literary Criticism.....16

Narratology Studies

G.A. Zhilicheva (Novosibirsk)
Features of the Narrative in Ilf and Petrov's Travelogues (Notebooks and "Little Golden America").....27

E. Yu. Sokruta (Moscow)
The Narrative Characteristics of News Discourse in the Time of New Media.....39

A.V. Shvets (Moscow)
Music as a Narrative-Forming Device and Ironic Mode in Wallace Stevens' "Peter Quince at the Clavier".....47

Russian Literature

S.A. Kibalnik (Saint-Petersburg)
On the Issue "Fyodor Dostoevsky and Max Stirner".....58

K.A. Barsht (Saint-Petersburg)
V.P. Burenin's Parodies in the Creational History of "The Demons" by F. Dostoevsky and in the Article "Mr. Shchedrin, or the Schism in Nihilists"73

A.E. Bochkarev (Nizhny Novgorod)
A Paremical Locution 'One Cannot Cut the Dough With an Axe' as a Narrative Program in Nikolai Leskov's Story "An Iron Will".....84

A.M. Vichkitova (Saint-Petersburg)
"...To be extracted from the culture by means of spirit and to get rid of it externally": An Invariant of Departure in L. Tolstoy's Last Short Stories.....94

<i>M.Ch. Larionova (Rostov-on-Don)</i> The Play of A.P. Chekhov “The Seagull”: Literary Questions and Folk Answers.....	108
<i>D.M. Magomedova (Moscow)</i> Rewriting the “New People” Plot in the Russian Fiction at the End of the 19th and the Beginning of the 20th Centuries (V.V. Veresayev and Z.N. Gippius).....	118
<i>O.A. Bogdanova (Moscow)</i> Motive of “Allegations of the Land” in Russian Literature of 1917–1920th (Article I).....	128
<i>V.T. Zakharova, M.G. Urtmintseva (Nizhny Novgorod)</i> Nizhny Novgorod Period in M. Gorky’s Life and Creativity: Ways of Formation of Artistic Consciousness.....	138
<i>A.L. Toporkov (Moscow)</i> Poem “Three Coffins” by Vyacheslav Ivanov: Sources and Symbolic Structure. Part Two.....	154
<i>R.M. Khaninova (Elista)</i> The Image of the Camel in V. Khlebnikov’s Kalmyk Theme.....	167
<i>J.D. Chechnev (Moscow)</i> To the Issue of “Eternal Return” in the Works by Konstantin Vaginov.....	177
<i>I.S. Yukhnova (Nizhny Novgorod)</i> Pushkin’s “The Prophet” in Early Prose of V. Nabokov and G. Gazdanov.....	191
<i>A.A. Arustamova (Perm), A.V. Markov (Moscow)</i> Overcoming Acmeism: Literary Tactics of Lydia Khaindrova at the Emigration Period.....	202
<i>M.M. Gelfond, A.A. Mukhina (Nizhny Novgorod)</i> Chekhov and “Chekhovian” in B.L. Pasternak’s Novel “Doctor Zhivago”.....	214
<i>E.A. Safron (Petrozavodsk)</i> Oneirosphere as an Element of the Poetics of M. Frei’s Stories (On the	

Example of the Collection “The Stranger”.....	226
<i>E.A. Smyshlyaev (Chelyabinsk)</i> Mythologization of Chelyabinsk’s Space in the Poetry of V.O. Kalpidi.....	236
Foreign Literatures	
<i>S.V. Saveliev, I.G. Savelieva (Kolomna)</i> An Outlook on Approaches to the Theory of Travel Writing in UK and US Academia.....	247
<i>V.Yu. Popova (Moscow)</i> The Age-Old “Drama of a Great People”: “Virgin Spain” by Waldo Frank.....	261
University Teaching	
<i>Z.G. Stankovich (Kazan)</i> The Peculiarities of Teaching “Russian Literature of the 20th Century” as Foreign at Preparatory School for International Students.....	272

М.М. Гельфонд (Нижний Новгород)
ORCID ID: 0000-0002-0865-0724

А.А. Мухина (Нижний Новгород)
ORCID ID: 0000-0002-9323-8848

**ЧЕХОВ И «ЧЕХОВСКОЕ»
В РОМАНЕ Б.Л. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»**
DOI: 10.24411/2072-9316-2018-00028

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению рецепции личности и творчества А.П. Чехова в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго». Высказывания Б.Л. Пастернака об А.П. Чехове, отразившиеся в эпистолярной и мемуарной литературе разных лет, отчетливо показывают сложную эволюцию, которую претерпело пастернаковское восприятие А.П. Чехова. Характерное для раннего Пастернака осмысление «чеховского» как воплощения обыденности, к середине 1930-х гг. сменяется интересом к личности Чехова и его поэтике. В период работы над романом «Доктор Живаго» А.П. Чехов становится для Б.Л. Пастернака одним из главных художественных ориентиров, о чем свидетельствуют его многочисленные высказывания. В стремлении «дать исторический образ России за последнее сорокалетию» Б.Л. Пастернак ориентируется на «русскую детскость Пушкина и Чехова», отсутствие проповеднической установки и дидактизма. В статье последовательно комментируются все чеховские реминисценции в романе, сложным образом взаимодействующие с пастернаковским текстом. Их рассмотрение показывает, что чеховские формулы в романе Пастернака начинают прирастать новыми смыслами; «чеховское» осознается как некогда устойчивый мир, с которым постоянно резонирует разрушающийся. Вместе с тем, в чеховском мире, воспринятом Пастернаком, уже заложены и потенциал распада, и возможность обновления, хотя последняя в большей степени отзовется не в прозе, а в стихах из романа. Еще одним аспектом взаимодействия двух художественных миров становится наделяние Юрия Живаго одновременно писательским и диагностическим даром. Полемицируя с заложенной в русской литературе традицией «исцеления», Пастернак делает своего героя гениальным диагностом – и это вероятно резонирует с опытом А.П. Чехова, признававшим, что его писательское зрение в значительной степени было сформировано влиянием медицины. Чеховское начало в романе проявляется на различных уровнях его организации и составляет один из значимых подтекстов «Доктора Живаго». Проведенное сопоставление позволяет прийти к выводу о том, что Чехов присутствовал в писательском сознании Б.Л. Пастернака и как автор, структурирующий художественный мир, и как герой – писатель, диагност, интеллигент, принадлежащий к той «сошедшей со сцены» «среде», от имени которой говорит в своем итоговом романе Б.Л. Пастернак.

Ключевые слова: Б.Л. Пастернак; «Доктор Живаго»; А.П. Чехов; рецепция.

M.M. Gelfond (Nizhny Novgorod)
ORCID ID: 0000-0002-0865-0724

A.A. Mukhina (Nizhny Novgorod)
ORCID ID: 0000-0002-9323-8848

**Chekhov and “Chekhovian” in
B.L. Pasternak’s Novel “Doctor Zhivago”**
DOI: 10.24411/2072-9316-2018-00028

Abstract. The article is devoted to the reception of personality and A.P. Chekhov’s works in B.L. Pasternak’s novel “Doctor Zhivago”. B.L. Pasternak’s statements about A.P. Chekhov, reflected in the epistolary and memoirs of different years, clearly show the complex evolution in Pasternak’s perception of A.P. Chekhov. The understanding of “Chekhovian” as the embodiment of everyday life, typical of the young Pasternak, by the mid-1930s was replaced by his interest in the personality of Chekhov and his poetics. While working over the novel “Doctor Zhivago”, A.P. Chekhov becomes for B.L. Pasternak one of the main artistic reference points, as evidenced by his numerous statements. In his effort to “give a historical image of Russia for the last forty-five years”, Pasternak is guided by the “Russian childishness of Pushkin and Chekhov”, the lack of preaching and didacticism. The article consistently comments on all Chekhovian reminiscences in the novel, which interact with Pasternak’s text in a complex manner. Their consideration shows that Chekhov’s formulas in Pasternak’s novel begin to acquire new meanings; “Chekhovian” is recognized as a world that used to be stable, and with which the collapsing one constantly resonates. At the same time, in Chekhov’s world, perceived by Pasternak, the potential for decay and the possibility of renewal have already been laid, and the possibility of renewal, although the latter will largely respond not in prose, but in verses from the novel. One more aspect of the interaction between the two artistic worlds, is the fact that Yuri Zhivago is endowed both as a writer and a diagnostician. Polemicizing with the tradition of “healing” inherent in Russian literature, Pasternak makes his character an ingenious diagnostician, which probably resonates with the experience of A.P. Chekhov, who recognized that his writing vision was largely shaped by the influence of medicine. The Chekhovian beginning in the novel is shown at various levels of its organization and constitutes one of the most significant implications of “Doctor Zhivago”. The comparison allows us to conclude that Chekhov was present in B.L. Pasternak’s artistic consciousness, firstly, as an author, structuring the artistic world, and, secondly, as a character – the writer, diagnostician, an intellectual belonging to that “descended from the scene” “environment,” on behalf of which he speaks in his final novel.

Key words: B.L. Pasternak; “Doctor Zhivago”; A.P. Chekhov; reception.

«Изо всего русского я теперь больше всего люблю русскую детскость Пушкина и Чехова, их застенчивую неозабоченность насчет таких громких вещей, как конечные цели человечества и их собственное спасение. Во всем этом хорошо разбирались и они, но куда им было до таких нескром-

ностей, – не до того и не по чину!» [Пастернак 2003–2005, IV, 284].

Приведенная запись Юрия Андреевича Живаго резко диссонирует с тем отношением к Чехову, которое сложилось у большинства поэтов – сверстников Б.Л. Пастернака и его героя. К творчеству Чехова равнодушно относился О.Э. Мандельштам [Левин 1977, 174–175], несколько презрительно – В.Ф. Ходасевич, его не принимала А.А. Ахматова. Характерно ее высказывание, приведенное Л.К. Чуковской: «Я не люблю его потому, что все люди у него жалкие, не знающие подвига. И положение у всех безвыходное. Я не люблю такой литературы. Я понимаю, что эти черты чеховского творчества обусловлены временем, но все равно – не люблю» [Чуковская 1997, 210]. Л.В. Лосев обращает внимание на равнодушие к Чехову и того поколения русских прозаиков, которое формировалось в 1920–1930-е – т.е. в пору первых пастернаковских подступов к прозе. «Метод “орнаментальной” – экспрессионистской – прозы Бабеля, Белого, Булгакова, Замятина, Заяицкого, Иванова, Мандельштама, Олеси, Пастернака, Пильняка исключал простое именование описываемых предметов лексическими средствами стандартного литературно-разговорного языка, требовались оригинальные, часто основанные на субъективных ассоциациях тропы» [Лосев 2010, 96]. По мысли А.С. Кушнера, Чехов «не мог убедить тех, кто жил в XX веке» [Кушнер 2002, 193], поскольку общая установка на революционную героиню была несовместима с миром чеховских обывателей. Описанная Чеховым среда к началу 1920-х была безвозвратно утрачена – и в сознании читателей последующих двух десятилетий Чехов, по точному наблюдению Л.В. Лосева, включался «в им же созданную парадигму анонимного бесцельного существования» [Лосев 2010, 95].

В отношении Б.Л. Пастернака к А.П. Чехову в значительной степени отразилась эволюция его мировоззрения и поэтики. В юности, в период длительного становления и вхождения в литературу «чеховское» было для него воплощением обыденности, т.е. той самой среды, ценность которой долгое время не осознавалась (принадлежность к ней будет заявлена позже, в «Высокой болезни»). Так, в письме родителям, датированном ноябрем 1916 г., Б.Л. Пастернак пишет: «Я ни на минуту не теряю способности и умения отличать серьезное, важное и реальное от интеллигентской, подчас страшно симпатичной – весь Чехов таков и Ибсен – блажи...» [Пастернак 2003–2005, VII, 283]. Месяцем позже, в письме к родителям из тех же Тихих Гор, Б.Л. Пастернак рассказывает о службе: «Комната, в которой находится мой “стол” – называется “продовольственным” отделом; им заведует московский интеллигент, милый средний чеховец» [Пастернак 2003–2005, VII, 293]. «Чеховец» в данном контексте – человек, наделенный узнаваемым набором социальных стереотипов; судя по приведенным фрагментам, в пору самоопределения Пастернака «чеховское» вызывало у него не интерес, а, скорее, легкое раздражение: оно принадлежало к тому миру, от которого он отталкивался и которому противопоставлял «родник безусловности и определенности нечеловеческой – вдохновение» [Пастернак 2003–2005, VII, 283]; курсив автора. Характерно, что упоминания о

Чехове возникают лишь в письмах к родителям, т.е. соотносятся с узнаваемым, домашним миром.

Подлинный интерес к Чехову начинает складываться у Пастернака два десятилетия спустя – на фоне закрепляющегося отторжения от советской действительности и подступов к работе над «большой прозой». В письме отцу от 2 мая 1937 г. звучит признание, совсем не похожее на прежние небрежные упоминания: «... Мне все время в голову приходит Чехов, а те немногие, которым я кое-что показывал, опять вспоминают про Толстого. Но я не знаю, когда это напечатаю, и об этом не думаю...» [Пастернак 2003–2005, IX, 127]. По словам Л.С. Флейшмана, в период работы над «Гамлетом» «завершается освобождение Пастернака от ощущения внутренней связи с авангардистским поколением и замещение его самоотождествлением с чеховской эпохой в искусстве» [Флейшман 2006, 707]. Имя Чехова входит в лирику Пастернака, становясь знаком и образом ушедшей эпохи: «Осенние сумерки Чехова, / Чайковского и Левитана» [Пастернак 2003–2005, II, 125].

Оказавшийся в 1942 г. вместе с Б.Л. Пастернаком в эвакуации в Чистополе А.К. Гладков записал такое признание поэта: «Я давно предпочитаю Лермонтову Пушкина, Достоевскому, и даже Толстому Чехова...» [Гладков 2006, 391–392]. В биографии отца Е.Б. Пастернак со ссылкой на А.К. Гладкова вспоминает, что в годы войны у Б.Л. Пастернака был замысел пьесы в прозе, первая сцена которой должна была происходить на картофельном поле, а последующие – в старинном имении. «Тема – предметность культуры... Я мечтаю возродить в этой пьесе забытые традиции Ибсена и Чехова» [Пастернак Е.Б. 1997, 574]. В новом контексте эти имена воплощают собой уже не «интеллигентскую блажь», а те «забытые традиции», которые, очевидно, дороги Б.Л. Пастернаку. В частности, сцена на картофельном поле могла быть подсказана чеховским «Студентом» – рассказом, который, по всей вероятности, оказал непосредственное воздействие на ряд стихотворений доктора Живаго.

Чеховское начало постепенно распространяется не только на мышление о творчестве, но и на образ героя начатого романа. В письме М.П. Громову от 6 апреля 1948 г. Пастернак пояснял замысел романа таким образом: «Первая книга обнимет время от 1903 до конца войны 1914. Во второй, которую я надеюсь довести до Отечественной войны, примерно так в году 1929 должен умереть главный герой, врач по профессии, но с очень сильным вторым творческим планом, как у врача Чехова...» [Пастернак 2003–2005, IX, 515–516]. О чеховском воздействии не только на образ главного героя, но и на художественную концепцию романа свидетельствует неожиданное признание Б.Л. Пастернака, адресованное Екатерине Крашенинниковой, о том, что «все свое богословие он вычитал у Чехова» [Пастернак Е.Б. 1997, 615]. Примечательно, что тома Чехова в это время Б.Л. Пастернак брал из библиотеки К.И. Чуковского – не только глубокого знатока Чехова, но и человека, отчасти воплотившего в своей жизни чеховский тип биографии [Чуковская 2007, 32–33].

Чеховское влияние на «Доктора Живаго» Б.Л. Пастернак подчеркивал и после завершения романа. Жаклин де Пруайяр вспоминала, что при первой встрече в Переделкине Пастернак спросил ее и ее спутника о том, чье влияние можно усмотреть в его романе.

«Мой сосед указал на Толстого, но этот очевидный ответ не удовлетворил Пастернака, который повернулся ко мне и спросил: “А чье еще?”. Меня охватило беспокойство, я сосредоточилась, интуитивно чувствуя, что правильность моего ответа может привести в будущем к чему-то огромному и чрезвычайно важному. Я весьма приблизительно представляла себе роман Пастернака, а его самого видела в первый раз. У меня в голове вертелись только какие-то отрывки из “Живаго”, и мне виделась возможность совпадения только на самом глубоком духовном уровне. После всего того, что было перечислено от Верлена до Блока, на Пастернака мог влиять лишь писатель редкой, из ряда вон выходящей исключительности. Несмотря на очевидную парадоксальность, я рискнула назвать Чехова.

– Молодец! Вы правильно отгадали, – вскричал Пастернак и рассказал нам, как он перечитывал Чехова, когда начинал писать свой роман. Сын лучших чеховских героев, Живаго обладал всеми их достоинствами и недостатками. В силу этой преемственности, а также из почтения к Чехову Пастернак сделал своего героя врачом» [Пастернак 1992, 129].

В чем же сказилось в «Докторе Живаго» чеховское воздействие?

Обратимся вначале к прямым упоминаниям Чехова и его героев в романе. Три из пяти возникают в прямой речи героев и отсылают их собеседников к подчеркнутым сюжетным и характерологическим клише. Юрий Андреевич Живаго сравнивает революцию с «побегами чеховских школьников в Америку» [Пастернак 2003–2005, IV, 296], Самдевятю, рассказывая о сестрах Тунцевых, упоминает, что «их на одну больше, чем у Чехова» [Пастернак 2003–2005, IV, 261], Лара, размышляя о причинах своего разлада с Павлом Антиповым, говорит о том, что он вообразил себя «сахаром, посредственностью, человеком в футляре» [Пастернак 2003–2005, IV, 402]. Но каждое из этих клише в контексте романа обретает новый смысл.

Говоря о революции как о «ребяческой арлекиnade незрелых выдумок» и «побегах чеховских школьников в Америку» [Пастернак 2003–2005, IV, 296], Юрий Живаго испытывает раздражение, причина которого вполне понятна. Не столь ясно, почему оно распространяется на мальчиков из одноименного чеховского рассказа – их мечта о побеге в Калифорнию наивна, нелепа, но в сущности не опасна и даже напротив, способна вызвать восхищение (вспомним, что вымышленным именем одного из мальчиков – Монтигомо Ястребиный Коготь – подписывался капитан Иван Татаринев, герой романа В.А. Каверина «Два капитана»). Атмосфера чеховского рассказа отчетливо резонирует с начальными главами романа Пастернака: семейные приготовления к рождественской елке, мороз, закутанные мальчики-гимназисты, стоящие на пороге. Но все то, что вызывало снисходительную усмешку по отношению к чеховским мальчикам, начитавшимся Майн Рида: увлеченность игрой, вера в собственное предназначение, рав-

нодушие к близким – невозможно простить выросшим мальчикам, революционерам и вершителям судеб, поставившим «римскую гражданскую доблесть» [Пастернак 2003–2005, IV, 299] выше «явления жизни» [Пастернак 2003–2005, IV, 296].

Слово «мальчики» – одно из ключевых в пастернаковском романе. Один из ранних вариантов заглавия прозы конца 1930-х – «Когда мальчики выросли» [Борисов 1989, 415] – в равной мере может отсылать к чеховскому и блоковскому [Борисов 1989, 421] контекстам; в первом варианте заглавия романа «Мальчики и девочки» [Пастернак 2003–2005, IV, 645; IX, 470] блоковский выходит на первый план, но не отрицает чеховского. Лара, слышащая выстрелы в 1905 г., думает: «Мальчики стреляют. <...> Хорошие, честные мальчики. Хорошие, оттого и стреляют» [Пастернак 2003–2005, IV, 52]. Революция здесь отчасти еще соотносится с игрой: «Мальчики играли в самую страшную и взрослую из игр, в войну, притом в такую, за участие в которой вешали и ссылали. Но концы башлыков были у них завязаны сзади такими узлами, что это обличало в них детей и обнаруживало, что у них есть еще папы и мамы» [Пастернак 2003–2005, IV, 52]. Один из этих мальчиков – Патуля Антипов, будущий Стрельников, в соответствии с молвой, наращивающей «и без того зловещий псевдоним» [Немзер 2013, 784] – Расстрельников; именно разговор о его деяниях и предполагаемом будущем заставляет Юрия Живаго вспомнить чеховских героев. Новые мальчики и девочки вырастают в конце романа, но у друзей покойного Живаго их судьбы вызывают ужас и сострадание: «А теперь все переносное стало буквальным, и дети – дети, и страхи страшны, вот в чем разница» [Пастернак 2003–2005, IV, 513].

История женитьбы Аверкия Микулицына на Агриппине Тунцевой сопровождается отсылкой к заглавию чеховской пьесы. Аналогия не поверхностна: дом Тунцевых, подобно дому Прозоровых в «Трех сестрах» – воплощение той провинциальной интеллигентской среды, которая в пьесе Чехова разрушалась изнутри, а в романе Пастернака уничтожается революционной эпохой. Отметим и еще одну точку соприкосновения: городом-прототипом Юрия в «Докторе Живаго» была Пермь; действие пьесы Чехова, по его признанию, вероятно, известному Пастернаку, также происходит «в провинциальном городе вроде Перми» (из письма А.П. Чехова А.М. Горькому от 16 октября 1900 г. [Чехов 1974–1972, XIII, 427]). Однако если чеховские три сестры рвутся из провинции в Москву, то пастернаковские четыре сестры прочно связаны с Юрием. Узнав от одной из них, Глафиры, о судьбе своей семьи, Живаго начинает думать о близких рефреном чеховской пьесы: «В Москве! В Москве!» – с каждым шагом отдавалось в душе у него, пока он в третий раз подымался по чугунной лестнице» [Пастернак 2003–2005, IV, 385]. Если для чеховских трех сестер мечта о переезде в Москву несбыточна в силу не бытовых, а скорее экзистенциальных причин, то Пастернак изображает то состояние мира, в котором героям вначале приходится совершать бегство из Москвы, а затем – уже одному Живаго – возвращаться пешком в Москву вдоль желез-

нодорожных рельсов и занесенных снегом составов.

Павел Антипов, решивший о себе в канун Первой мировой войны, что он «сухарь» и «человек в футляре», связан с чеховским Беликовым лишь родом занятий – оба преподают в гимназии. Типологически Стрельников близок, конечно, не к чеховскому герою, а к тем «младшим бунтующим персонажам» [Пастернак 2003–2005, IV, 175] Достоевского, черты которых Живаго видит в Маяковском. Его «юношеское, ложно направленное самолюбие», обида «на ход жизни, на историю» [Пастернак 2003–2005, IV, 402] не имеют ничего общего с охранительным «футляром» чеховского Беликова, но та идеология, служению которой он с жаром отдается, в какой-то момент сама начинает играть роль «футляра»: «Точно что-то отвлеченное вошло в этот облик и обесцветило его. Живое человеческое лицо стало олицетворением, принципом, изображением идеи» [Пастернак 2003–2005, IV, 399]. Так чеховские формулы в романе Пастернака начинают прирастать новыми смыслами; «чеховское» осознается как некогда устойчивый мир, с которым постоянно резонирует мир разрушающийся. Вместе с тем в чеховском мире, воспринятом Пастернаком, уже заложены и потенциал распада, и возможность обновления, хотя последняя в большей степени отзовется не в прозе, а в стихах из романа.

Чеховское начало в романе Пастернака распространяется не только на мир героев, но и на манеру повествования: фраза из романа Веры Иосифовны, героини «Ионыча», «Мороз крепчал...», ставшая формулой литературной вторичности, повторяется в «Докторе Живаго» дважды, в главе «Против дома с фигурами» и при описании утра в Варыкине [Сухих 2004, 223]. Так в романе почти буквально воплощается декларируемая Пастернаком установка на массового читателя и «примитивное» письмо, которая должна «приниматься с некоторыми оговорками», но не может «попросту игнорироваться» [Поливанов 2015, 50]. Однако, если Вера Иосифовна заведомо пишет о том, «чего никогда не бывает в жизни» [Чехов 1974–1982, X, 37], то задача Пастернака (не говоря, разумеется, о художественной несоизмеримости романа чеховской героини и «Доктора Живаго») принципиально иная – «дать исторический образ России за последнее сорокапятителетие» [Пастернак 2003–2005, IX, 472]. В своем стремлении сделать это он ориентируется на «русскую детскость Пушкина и Чехова» [Пастернак 2003–2005, IV, 284] – запись из варыкинского дневника Юрия Андреевича очевидно автометаописательна и почти дублируется словами Пастернака, записанными И. Берлином: «...все русские писатели обращаются к читателям с проповедью, даже Тургенев говорит нам, что время – великий целитель. <...> Лишь один Чехов свободен от этого. Он – чистый художник, все растворено в искусстве» [Берлин 2001, 467]. Одной из важнейших художественных установок Пастернака-прозаика становится отказ от любых форм дидактичности, от высказывания, претендующего на завершающую истину и ее навязывание читателю. Ориентиром в этой свободе по отношению к потенциальному читателю и собственным взглядам для него наряду с Пушкиным становится Чехов.

Представление о Чехове как «чистом художнике», лишенном какой бы то ни было назидательности, вступает в некоторое противоречие с его профессией врача, которой Б.Л. Пастернак, вероятно, в том числе и в память о Чехове [Пастернак 1992, 129], наделяет своего героя. В русской традиции, восходящей к М.Ю. Лермонтову и А.И. Герцену, литература воспринималась как своего рода социальный аналог медицины. Эта параллель декларативно заявлена в Предисловии к «Герою нашего времени»: «Будет и того, что болезнь указана, а как ее излечить – это уж бог знает!» [Лермонтов 1959, IV, 277]; ее последовательно развивает в сочинении «О концах и началах» А.И. Герцен: «Боль не лечит, а вызывает лечение. Патология может быть хороша, а терапия скверная; можно вовсе не знать медицины и ясно видеть болезнь. Требование лекарства от человека, указывающего на какое-нибудь зло, чрезвычайно опрометчиво. <...> мы вовсе не врачи – мы боль; что выйдет из нашего кряхтения и стона, мы не знаем – но боль заявлена» [Герцен 1959, XVI, 147].

Подобных аналогий между медицинским и социальным в пастернаковском романе нет, но Живаго (в сущности, в русле этой же традиции) практически не претендует на то, чтобы лечить и даже несколько тяготеет этой необходимостью, причем не только в партизанском отряде, но и мирной зимой в Варыкино. Живаго прежде всего не врач, а гениальный диагност, обладающий интуитивным целостным знанием. Это знание опережает получаемые им образование и опыт. «В подвале пахло формалином и карболкой, и присутствие тайны чувствовалось во всем, начиная с неизвестной судьбы всех этих простертых тел и кончая самой тайной жизни и смерти, располагавшейся здесь в подвале как у себя дома или как на своей штаб-квартире. Голос этой тайны, заглушая все остальное, преследовал Юру, мешая ему при анатомировании» [Пастернак 2003–2005, IV, 66]. При этом доктор Живаго может, но отнюдь не стремится ставить социальные диагнозы; его дар ярче и выше этого; ему дано то осмысление жизни, на фоне которого социальные катаклизмы утрачивают свой масштаб (тот же тип видения мира присущ и Ларе – и полнее всего он выражается в ее плаче по Живаго).

На протяжении романа мы практически не видим Живаго как лечащего врача, но постоянно видим его как врача мыслящего. Природу врачебного дарования Живаго точно улавливает умирающая Анна Ивановна, одним движением предлагающая ему спрятать стетоскоп. Талант Юры нужен ей не для медицинской помощи (хотя диагноз поставлен им правильно и его слова приносят больной неожиданное облегчение), а для того чтобы благодаря ему прикоснуться к тайне жизни и смерти: «Анна Ивановна замолчала. Слезы градом катились у нее по щекам. Юра ничего не говорил. Через минуту Анна Ивановна продолжала:

– Ты талантливый... А талант, это... не как у всех... Ты должен что-то знать... Скажи мне что-нибудь... Успокой меня» [Пастернак 2003–2005, IV, 68]. Монолог студента-медика Юры Живаго носит, конечно, не медицинский, а скорее богословский характер: он рассуждает не о болезни и

здоровье, а о смерти и бессмертии. Важнейшее положение экспромтом прочитанной юным Живаго лекции – реальность бессмертия: «Не о чем беспокоиться. Смерти нет. Смерть не по нашей части. А вот вы сказали: талант, это другое дело, это наше, это открыто нам. А талант в высшем широчайшем понятии есть дар жизни» [Пастернак 2003–2005, IV, 69]. Рассуждения Юры во многом восходят к мысли его дяди, Николая Веденяпина, о том, что «человек живет не в природе, а в истории, и что в нынешнем ее понимании она основана Христом, что Евангелие есть ее обоснование» [Пастернак 2003–2005, IV, 12]. История же, по его словам, есть «установление вековых работ по последовательной разгадке смерти и ее будущему преодолению» [Пастернак 2003–2005, IV, 13]. Близкую к этой мысли – впрочем, без отчетливой привязки ее к христианской истории – высказывает у Чехова художник, герой рассказа «Дом с мезонином»: «Как иногда мужики миром починают дорогу, так и все мы, сообщая миром, искали бы правды и смысла жизни, и – я уверен в этом – правда была бы открыта очень скоро, человек избавился бы от этого постоянного мучительного, угнетающего страха и даже от самой смерти» [Чехов 1974–1982, IX, 186]. Отметим, что эту мысль чеховский герой высказывает в споре с Лидой Волчаниновой, которая, стремясь к общенародному благу, подчиняет жизнь близких собственной идее – и тем самым разрушает счастье своей сестры. Как в рассказе Чехова, так и в романе Пастернака сталкиваются два типа сознания – творческий и идеологический; при уважительном признании возможной правоты второго авторское сочувствие, безусловно, вызывает первый.

Дар Живаго-диагноста, хотя и в несколько более упрощенном, привычном понимании профессиональной одаренности безоговорочно признают его коллеги – вначале в Москве: «Вот это, говорят, диагност! Только и разговору» [Пастернак 2003–2005, IV, 106], а затем в Юрятине: «Но ведь сами они в один голос кричат: гениальный диагност, гениальный диагност. И правда, я редко ошибаюсь в определении болезни» [Пастернак 2003–2005, IV, 404]. Характерно, что именно дар диагноста и попытка осмыслить его в ходе лекций становится причиной грозящего Живаго в Юрятине ареста: «Но ведь это и есть ненавистная им интуиция, которой якобы я грешу, цельное, разом охватывающее картину познание» [Пастернак 2003–2005, IV, 404].

Соединение писательского начала и диагностического дара Живаго во многом сродни чеховскому. Блестящие способности Чехова-диагноста не раз отмечались его современниками [Эйхенбаум 1969, 363], а сам он признавал, что его писательское зрение в значительной степени было сформировано влиянием медицины: «Занятия медицинскими науками имели серьезное влияние на мою литературную деятельность, они значительно раздвинули область моих наблюдений, обогатили меня знаниями, истинную цену которых для меня, как писателя, может понять только тот, кто сам врач...» («Автобиография») [Чехов 1974–1982, XVI, 271]. Избегая прямого названия диагнозов – как медицинских, так и социальных – Чехов тем не

менее точно дает их почувствовать читателю. При этом характер и те или иные черты патологии чеховских героев настолько взаимосвязаны, что установить первичность социальных, психических или физиологических отклонений почти невозможно – все они обусловлены единством человеческой природы. «Гениальность его диагнозов, – писал Б.М. Эйхенбаум о Чехове, – заключалась не только в их точности, яркости и убедительности, но и в том, что он ставил их на основе самых незаметных, маленьких признаков» [Эйхенбаум 1969, 364]. Отметим, что по возвращении в Москву Юрий Андреевич Живаго издает книжки, в которых наряду со стихами и соображениями об истории и религии излагаются его медицинские взгляды, «определения здоровья и нездоровья, мысли о трансформизме и революции, о личности как биологической основе организма» [Пастернак 2003–2005, IV, 472]. Естественное равенство между духовным и телесным уровнями бытия сближает чеховское видение мира с мировоззрением пастернаковского героя. Близки – и в то же время очень просты и их врачебные убеждения. «Желание служить общему благу непременно должно быть потребностью души, условием личного счастья» [Чехов 1974–1982, XVII, 8], – записывает А.П. Чехов. Ему почти вторит Б.Л. Пастернак, объясняя выбор, совершенный его героем: «Но как ни велика была его тяга к искусству и истории, Юра не затруднялся выбором поприща. Он считал, что искусство не годится в призвание в том же самом смысле, как не может быть профессией прирожденная веселость или склонность к меланхолии. Он интересовался физикой, естествознанием и находил, что в практической жизни надо заниматься чем-нибудь общепользным. Вот он и пошел по медицине» [Пастернак 2003–2005, IV, 66]. Конечно, было бы явной натяжкой говорить о последовательной передаче доктору Живаго чеховских взглядов – речь идет именно о сложном и многоаспектном воплощении чеховского начала в романе.

Чеховское присутствие в романе «Доктор Живаго» скорее растворено, нежели локализовано. Оно проявляется на разных уровнях романной организации: в изображении дореволюционного уклада жизни, своеобразной меркой которого оказываются чеховские словесные формулы, в воплощенном Пастернаком многоголосье чеховской России – от московской интеллигентской среды до каторжного тракта, в наделении главного, автобиографического героя чертами чеховского сознания и мышления. Но, вероятно, в наибольшей степени чеховское начало проявилось не в прозе, а в стихах из романа, что, в свою очередь, заслуживает отдельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берлин И. История свободы. Россия. М., 2001.
2. Борисов В.М. Река, распаханная настежь. К творческой истории романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Пастернак Б. Доктор Живаго. М., 1989. С. 409–429.

3. Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 16. М., 1959.
4. Гладков А.К. Не так давно: Мейерхольд, Пастернак и другие М., 2006.
5. Кушнер А.С. Почему они не любили Чехова? // Звезда. 2002. № 11. С. 190–196.
6. Левин Ю.Д. Заметки к статье Мандельштама о Чехове // Russian Literature. 1977. Vol. 3. P. 174–175.
7. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. Т. IV. Проза, письма. М.; Л., 1959.
8. Лосев Л.В. Нелюбовь Ахматовой к Чехову // Лосев Л.В. Солженицын и Бродский как соседи. СПб., 2010. С. 88–101.
9. Немзер А.С. При свете Жуковского. М., 2013.
10. Пастернак Б. Письма к Жаклин де Пруайяр // Новый мир, 1992, № 1. 127–189.
11. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений: в 11 т. М., 2003–2005.
12. Пастернак Е.Б. Борис Пастернак. Биография. М., 1997.
13. Поливанов К.М. «Доктор Живаго» как исторический роман. Тарту, 2015.
14. Сухих И.С. Двадцать книг XX века. Эссе. СПб., 2004.
15. Флейшман Л.С. От Пушкина к Пастернаку. Избранные работы по поэтике и истории русской литературы. М., 2006.
16. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М., 1974–1982.
17. Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Т. 1. М., 1997.
18. Чуковская Л.К. Памяти детства. М., 2007.
19. Эйхенбаум Б.М. О Чехове // Эйхенбаум Б.М. О прозе. Л., 1969. С. 358–370.

REFERENCES

(Articles from Scientific Journals)

1. Kushner A.S. Pochemu oni ne lyubili Chekhova? [Why Didn't They Love Chekhov?]. *Zvezda*, 2002, no. 11, pp. 190–196. (In Russian).
2. Levin Yu.D. Zametki k stat'e Mandel'shtama o Chekhove [Notes to Mandelstam's Article about Chekhov]. *Russian Literature*, 1977, vol. 3, pp. 174–175. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

3. Borisov V.M. Reka, raspakhnutaya nastezh'. K tvorcheskoy istorii romana B. Pasternaka "Doctor Zhivago" [A River Wide Open. To the Creative History of B. Pasternak's Novel "Doctor Zhivago"]. *Pasternak B. Doktor Zhivago* [Doctor Zhivago]. Moscow, 1989, pp. 409–429. (In Russian).
4. Eykhenbaum B.M. O Chekhove [About Chekhov]. *Eykhenbaum B.M. O proze* [About Prose]. Leningrad, 1969, pp. 358–370. (In Russian).
5. Losev L.V. Nelyubov' Akhmatovoy k Chekhovu [Akhmatova's Dislike to Chekhov]. *Losev L.V. Solzhenitsyn i Brodskiy kak sosedi* [Solzhenitsyn and Brodsky as Neighbours]. Saint-Petersburg, 2010, pp. 88–101. (In Russian).

(Monographs)

6. Berlin I. *Istoriya svobody. Rossiya* [History of Freedom. Russia]. Moscow, 2001. (In Russian).
7. Chukovskaya L.K. *Pamyati detstva* [Memories of the Childhood], Moscow, 2007. (In Russian).
8. Chukovskaya L.K. *Zapiski ob Anne Akhmatovoy. 1938–1941* [Notes about Anna Akhmatova. 1938–1941]. Vol. 1. Moscow, 1997. (In Russian).
9. Fleyshman L.S. *Ot Pushkina k Pasternaku. Izbrannye raboty po poetike i istorii russkoy literatury* [From Pushkin to Pasternak. Collected Works on the Poetics and History of Russian Literature] Moscow, 2006. (In Russian).
10. Gladkov A.K. *Ne tak davno: Meyerhol'd, Pasternak i drugie* [Not So Long Ago: Meyerhold, Pasternak and Others]. Moscow, 2006. (In Russian).
11. Nemzer A.S. *Pri svete Zhukovskogo* [By the Light of Zhukovsky]. Moscow, 2013. (In Russian).
12. Pasternak E.B. *Boris Pasternak. Biografiya* [Boris Pasternak. Biography]. Moscow, 1997. (In Russian).
13. Polivanov K.M. *"Doktor Zhivago" kak istoricheskiy roman* ["Doctor Zhivago" as a Historical Novel]. Tartu, 2015. (In Russian).
14. Sukhikh I.S. *Dvadsat' knig 20 veka. Esse* [Twenty Books of the 20th Century. Essays]. Saint Petersburg, 2004. (In Russian).

Гельфонд Мария Марковна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Кандидат филологических наук, доцент Департамента литературы и межкультурной коммуникации. Научные интересы: история русской поэзии XIX–XX вв., интерпретация поэтического текста, мемуарная проза.

E-mail: mgelfond@hse.ru

Мухина Анна Анатольевна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Студентка 3 курса бакалавриата факультета гуманитарных наук. Область научных интересов: поэзия и проза XX в., Б.Л. Пастернак.

E-mail: anyam.97@mail.ru

Gelfond Mariya M., National Research University Higher School of Economics. Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Literature and Intercultural Communication. Research interests: Russian poetry of the 19–20th centuries, interpretation of lyrics, memoirist prose.

E-mail: mgelfond@hse.ru

Mukhina Anna A., National Research University Higher School of Economics. Third-year student, B.A. at the Faculty of the Humanities. Area of scholarly interests: poetry and prose of the 20th century, B.L. Pasternak.

E-mail: anyam.97@mail.ru

Научное издание

НОВЫЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Компьютерная верстка А.В. Надточенко

Подписано в печать 7.06.18

Формат 60x90/16

Гарнитура Times New Roman

Печать офсетная

Усл. печ. л. 9,5

Тираж 1 500 экз.

Издательство «Каллиграф»
117042, Москва, ул. Скобелевская, 23
Телефон (495) 970-72-63
E-mail nivestnik@yandex.ru